

Тулусева Е. С. Бестиарные мотивы в цикле рассказов Павла Крусанова «Царь головы» / Е. С. Тулусева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 291—304. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-291-304.

Tulusheva, E. S. (2023). Bestiary Motifs in Cycle of Stories by Pavel Krusanov “The King of the Head”. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 291-304. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-291-304. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-291-304

Бестиарные мотивы в цикле рассказов Павла Крусанова «Царь головы»

Тулусева Елена Сергеевна ^{1,2}
orcid.org/0000-0001-6374-4662

кандидат филологических наук,

¹ доцент факультета

гуманитарных наук;

² докторант

be-so-happy@yandex.ru

¹ Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

² Московский университет
имени А. С. Грибоедова
(Москва, Росси)

Bestiary Motifs in Cycle of Stories by Pavel Krusanov “The King of the Head”

Elena S. Tulusheva ^{1,2}
orcid.org/0000-0001-6374-4662

PhD in Philology,

¹ Associate Professor,

Faculty of Humanities;

² Doctoral degree seeker

be-so-happy@yandex.ru

¹ National Research University
Higher School of Economics
(Moscow, Russia)

² A. S. Griboyedov
Moscow University
(Moscow, Russia)

© Тулусева Е. С., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется тематика и поэтика сборника рассказов П. В. Крусанова «Царь головы». Сборник рассматривается в качестве цикла с определёнными смысловыми и ассоциативными связями, вторичным структурным единством, жанровыми, образно-метафорическими и стилистическими сближениями, сквозным сюжетом, циклообразующими мотивами. Новизна исследования обусловлена тенденцией современной прозы к созданию указанного сверхтекстового единства и при этом недостаточной изученностью этого явления. Проведен анализ одного из ведущих циклообразующих мотивов «Царя головы» — мотива bestiарного. В каждом из рассказов сборника присутствуют образы животных или метафизических существ. Через них герои произведений соприкасаются с иной реальностью, парадизным или inferнальным миром, mortalным пространством. Герои сборника переходят границы между собственным телом и сознанием и телами и сознаниями животных, либо они одержимы со стороны демонических сил. Образы животных связаны с аллегорией духовного пути, по которому, нисходя или восходя, следуют персонажи рассказов. Также в сборнике задействуется большое число zoomорфных сравнений и метафор, фиксирующих мир, пребывающий в состоянии смещения, со снятыми преградами между живым и мёртвым, телесным и психическим, уровнями сознания.

Ключевые слова:

П. Крусанов; циклообразующий мотив; bestiарный мотив; аллегорическое повествование; mortalное пространство; zoomорфная метафора.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The themes and poetics of the collection of short stories by P. V. Krusanov "The King of the Head" is characterized in the article. The collection is considered as a cycle with certain semantic and associative connections, secondary structural unity, genre, figurative-metaphorical and stylistic rapprochements, a through plot, cycle-forming motives. The novelty of the study is due to the tendency of modern prose to create this supertextual unity and, at the same time, insufficient knowledge of this phenomenon. The analysis of one of the leading cycle-forming motifs of the "King of the Head" — the bestiary motif, has been carried out. Each of the stories in the collection contains images of animals or metaphysical beings. Through them, the heroes of the works come into contact with another reality, paradisiac or infernal world, mortal space. The heroes of the collection cross the boundaries between their own body and consciousness and the bodies and consciousnesses of animals, or they are possessed by demonic forces. The images of animals are associated with the allegory of the spiritual path, along which, descending or ascending, the characters of the stories follow. A large number of zoomorphic comparisons and metaphors that capture the world, which is in a state of confusion, with the barriers between the living and the dead, bodily and mental, levels of consciousness are also used in the collection.

Key words:

P. Krusanov; cycle-forming motive; bestiary motif; allegorical narration; mortal space; zoomorphic metaphor.

Бестиарные мотивы в цикле рассказов Павла Крусанова «Царь головы»

© Тулушева Е. С., 2023

1. Введение = Introduction

Сборник Павла Крусанова «Царь головы» (2014) почти не попадал в сферу внимания отечественного литературоведения. Творчество писателя по большей части анализируется в аспекте изучения его романов. Литературоведы осмысливают философско-политический контекст крусановской прозы [Борода, 2009; Большев, 2015 и др.], исследуют её мифопоэтику [Кротова, 2017; Торосян, 2016; Волк, 2020 и др.], рассматривают специфику организации различных уровней текста [Фролова, 2011; Торосян, 2017; Шейко и др., 2019 и др.].

Сборники же малой прозы Крусанова осмысливаются чаще всего лишь литературными критиками, см.: [Галкина, 2016; Зарифуллин, 2014; Кузьменков, 2014 и др.]. Поэтому в представленной статье кратко характеризуются особенности тематики, проблематики и поэтики обозначенного сборника.

«Царь головы» рассматривается нами в качестве цикла, то есть сверхтекстового единства, предлагающего новый смысловой и художественный результат, получающийся при сложении отдельных элементов, в данный цикл входящих. Такой подход, как и само обращение к этому крусановскому сборнику, обуславливает новизну исследования.

Цель исследования — проанализировать бестиарные мотивы сборника «Царь головы» как принадлежащие к числу ведущих циклообразующих мотивов. В каждом из рассказов сборника присутствуют образы животных или метафизических существ светлой или тёмной природы. Крусанов ориентируется на традицию средневековых бестиариев и варианты её развития в литературе XX века (Х. Л. Борхес, А. Сапковский и др.). Аллегорическая и нравоучительная функция животных образов соединяется у него с эзотерическим подтекстом.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В рамках рассмотрения бестиарных мотивов в исследовании, помимо использования метода мотивного анализа, осуществляется целостный анализ композиции сборника, жанровой трансформации отдельных его

элементов, особенностей его стилистических решений. И, в целом, в статье осмысливается специфика художественного мира, созданного писателем в разбираемом цикле.

Сборник рассказов «Царь головы» собран автором из произведений, написанных в 2012—2014 годах, и, таким образом, является вторичным авторским циклом-сборником, если ориентироваться на классификации циклов, предложенные И. С. Фоменко и С. В. Нестеровой [Фоменко, 1990; Нестерова, 2012].

Сборник рассказов, представляющий собой цикл, обладает рядом свойств. Согласно О. Г. Егоровой, они таковы: между произведениями, входящими в него, имеются внутренние связи, а сам сборник обладает вторичным структурным единством; композиция сборника исходит из определённой авторской концепции и порождает новые смысловые и ассоциативные связи; у сборника рассказов есть сквозной сюжет, построенный на развитии одного или нескольких циклообразующих мотивов; сборник рассказов, понятый как цикл, характеризуется общностью «системных элементов» — «жанровых, стилистических, ритмических, образно-метафорических, лексико-фразеологических, интонационных и звуковых» [Егорова, 2004, с. 5].

«Царь головы» Павла Крусанова посвящён единой теме — пересечению двух миров, этого, обыденного и привычного, и иного, который может иметь парадизное или inferнальное измерение; где наравне с живыми сопresentствуют мёртвые (нередко герои сами полуживы, полумертвы, как герой рассказа «По телам» по фамилии Полуживец, или Варя из рассказа «Это не сыр», чья душа периодически оставляет тело, или герой рассказа «Глина», чья «живая легенда <...> сделалась *полуживой*» [Крусанов, 2014, с. 271]); что предполагает расширение понятия «сознательное» до природного мира — животного и растительного.

В каждом из рассказов сборника повторяются мотивы, связанные с появлением — чаще — демонических или — реже — ангелических существ; с интуицией адской реальности; со снятием границ между телом и сознанием и путешествием по иным формам существования или с одержимостью; с разнообразным эзотерическим подтекстом (алхимия, чаша Грааля, заклинательная магия и проч.).

Писатель поделил сборник на две части, одна из которых имеет подзаголовок «О необычайном», другая — «Узорник». Такое деление оставляет широкое пространство для интерпретаций, поскольку оба слова могут быть приложимы к художественному миру всех рассказов цикла: каждый из них повествует о «необычайном» — о том, что выходит за пределы привычного, и каждый представляет собой отдельный «цветовой» / смысловой элемент внутри «узорника»-калейдоскопа, созданного в фантастической крусановской картине мира.

Вне контекста этих названий можно констатировать, что первая часть сборника посвящена духовным катастрофам героев, которые сами создают для этого причины, поддаваясь своим страстям, вторая часть — как бы успешному преодолению разладов в сознании героев и в окружающей их реальности.

Рассказы, входящие в цикл «Царь головы», можно рассматривать сквозь призму магического реализма и как произведения в жанре хоррор. Причём характерной чертой сборника является трансформация жанра: ужасное не сразу обнаруживается в них, скрываясь под оболочкой другого жанра. Так, например, первый рассказ сборника — «Собака кусает дождь» — начинается как охотничий рассказ, и лишь ближе к концу в сюжете происходит неожиданный слом, когда в подвале Пал Палыча в банке оказываются два неназванных беса — его самого и его супруги. «Как исчезают люди» кажется написанным в жанре подростковой литературы, пока не сбывается смертельное ведьмовское заклинание одного из героев.

Каждый из рассказов погружает читателя в подробно прописанный, в стилистическом отношении «узорочный» миф. Например, это придуманный мальчишками миф о напоминающих гномов «карлышах», угнетаемых в подземном городе следователем-оборотнем («Как исчезают люди»), или миф мёртвых, которых нет на кладбище, но зато много среди живых, внутри живых (отсылающий, возможно, к «Бобку» Ф. М. Достоевского), или миф о вдохновляющем и витализирующем человека Мешке света, восходящем к Якову Брюсу, и т. д.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Рассказы о необычайном»: варианты зооморфизации героя

В сборнике «Царь головы» несколько циклообразующих мотивов. Один из них — это по-разному выражающийся бестиарный мотив. В каком-то смысле этот крусановский сборник можно назвать «бестиарием» или «физиологом». Он рассказывает о существах, природа которых видится в рассказах иной, чем обычно, и об иномирных сущностях, проявляющихся в мире людей. Используя образы животных, Павел Крусанов представляет в «Царе головы» аллегорическую историю о противоборстве светлого и тёмного в человеке и в окружающей его реальности.

Рассказ «Собака кусает дождь», открывающий цикл, вводит мотив одержания человека. У каждого человека есть бес, тварь, которую сложно заметить и ещё труднее изловить. Бесы у Пал Палыча, охотника, что поместил их в банку, живут в подполе, в общем по сути не меняя места своего обитания, перемещаясь из бессознательного, или «подполья», и адского иномирья в тёмный подпол возле котельной. В рассказе у них нет

обозначения, они описаны через «минус-приём» — ни крысы, ни змеи, ни нетопыри, ни пауки, ни пиявки. Лишь слово «гадёныши» косвенно указывает на их природу: не только вредное естество, но и связь с гадом, то есть змеем, дьяволом. Кажется, они похожи на млекопитающих, но являются собой предельно отвратительную их версию с гипертрофированным «срамом» [Крусанов, 2014, с. 32]. И они не грызут друг друга, подобно паукам в банке, а насилуют.

В связи с бесами в рассказе появляется слово «суггестия», похожее «на быструю сороконожку» [Там же, с. 34]. Оно оказывается синонимом морока, якобы наведённого Пал Палычем на Петра Алексеевича. Слово — через графику и фонiku — возвращается к средневековому образу, сквозь буквы просвечивает звериный стиль.

Фоновый персонаж рассказа — пёс по кличке Гарун, который кусал дождь, «хватал ускользающую добычу» [Там же, с. 12], «будто ловил муху» [Там же, с. 35]. Эта собака заставляет вспомнить о «Тысяче и одной ночи», о Гаруне аль-Рашиде и о людях, что злыми волшебницами были превращены в собак, но возвращали себе человеческий облик, когда на них брызгали водой. Образ Гаруна актуализирует мотив превращений: пёс Гарун, выросший в городе (как его арабский прототип — во дворце), открывает для себя мир природы (пространство простолюдинов) и на этом переходе, в этой перемене облика устанавливает подлинную суть реальности. Пёс Гарун пытается укусьть дождь, так же, как Пётр Алексеевич думает поймать своего беса, но тот убеждает себя (убеждается бесом), что увиденное им накануне было лишь мороком, а собака не может схватить каплю.

В рассказе «Собака кусает дождь» звериные образы выполняют аллегорическую функцию: человек, заброшенный в мир (в гностическом подтексте рассказа), оказывается подобен собаке, видящей, но не понимающей свою истинную природу или недостаточно настойчивой в ловле своего беса.

Рассказ «По телам» с эпиграфом из апулеевского «Золотого осла» исследует территорию чужого, звериного сознания. Герой рассказа — таможенный инспектор Полуживец. Фамилия определит его судьбу, он станет путешествовать по телам разнообразных животных, будет играть роль «наездника», обезжающего «лошадь» другого тела (используя терминологию рассказа). При этом он не станет настоящим, всевременным хозяином положения — «жилцом» внутри животного. А с другой стороны, окажется «живцом» — тем, кто «ещё живой, но обречённый», кого «уже приговорили, и жизнь его — не более чем форма казни» [Там же, с. 37]. Наконец, он будет пойман «на живца», обманут, заперт в теле вороны, когда фирма, оказывающая услуги по перемещению сознания, скроется от внимания государства.

Полуживец входит в сознания животных и воспринимает мир через них: ощущает «сотни *душков*» [Там же, с. 64] в теле собаки, смотрит «фасеточным глазом» [Там же, с. 81] махаона, «и немигающим рыбьим глазом, и круглым зраком птицы, и вертикальным змеиным зрачком» [Крусанов, 2014, с. 81]. Этот опыт имеет для него и духовное измерение: он задаётся вопросом: пройдя от «личинки к бабочке» [Там же], претерпит ли сознание преобразование?

Но Полуживец и другие «путешественники», а также руководитель программы, что взял себе псевдоним Сара Ха, экспериментируя подобным образом, скорее, перенимают звериные черты, нежели возвышаются: хозяин автосалона и его подруга, меняясь телами, меняются «шкурками» [Там же, с. 80]; небритый Полуживец становится похож на ежа; Александр Куприянович «отбрасывает хвост» [Там же, с. 84], когда на него выходят спецслужбы. И последнее рано или поздно должно было произойти. Полуживец ощущал момент недолжного в рукотворном метемпсихозе. Так, до первого перемещения сознания он подумал об этом процессе как о вхождении беса в свинью (отсылка к эпизоду из Евангелий). Первый разговор Полуживца с Александром Куприяновичем состоялся у чёртова колеса. Оно в рассказе — и один из образов сансары, и указатель на инфернальную природу происходящего.

В рассказе «По телам» бестиарный мотив показывает, что следует за соблазном возвышения человека через запрограммированный метемпсихоз. Руководитель программы Сара Ха ищет не ответы на вопросы о разнобразии духовного бытия, а бессмертия, ловя искателей широкого опыта и забирая себе их человеческие тела. Человек погружается в тела животных и «звереет», «оскотинивается», его сознание определяется бестиарным бытием, а не наоборот.

Рассказ «Мешок света» близок по тематике к рассказу «По телам», он также про соблазн. Эпиграф к рассказу взят из стихотворения В. Муханкина, реального серийного убийцы. Строфа обозначает дилемму — в контексте последующего повествования: покой цельного бытия или обман человеческих желаний. Главный герой рассказа — кондитер Никодимов — узнаёт о существовании некоего Мешка света — чудесного предмета, преобразующего человека в зависимости от его предрасположенностей. И в финале крадёт его у своего друга, приобретая желание и разумение воровать.

Никодимов — человек понимающий, в начале рассказа он формулирует про себя то, как обманывается человек, подобно насекомому, летящему на свет, за который он принимает то бога, то какой-нибудь его эзотерический симулякр. Но, отбирая Мешок света у алчного Услистого, видя не красоту купленного тем петергофского «рая», возвращаясь к цельности

настоящего момента, он сам распоряжается Мешком света едва ли не хуже. И показательно в этой связи, что в рассказе Никодимов, помимо других своих знаний-умений, ещё и «лаял во сне» [Крусанов, 2014, с. 107]. В финале, когда он украдёт Мешок света, он будет «счастливо тявкать» [Там же, с. 129]. Как и в рассказе «По телам», герой обнаруживает здесь свою звериную, страстную натуру, до времени им (от него) скрытую. Неслучайно собачьи звуки Никодимов издавал только во сне.

Рассказ «Волосатая сутра» повествует о маньяке-таксидермисте Демьяне Ильиче, который занимается то ли магией, то ли алхимией (он «в чучельном деле <...> был алхимик» [Там же, с. 143]), превращая людей в чучела животных. И в его имени, кроме прямых значений связи с плодородием и подчинения, невольно слышится что-то демоническое. Демьян Ильич обладает способностью «схватывать» существо человека, видеть, кто «сидит» в человеке. Так, в одном из студентов он увидел шимпанзе, а в работнице кафедры — самку африканского страуса. Сам Демьян Ильич наделён в рассказе звериными чертами: у него «жалящий» [Там же, с. 145] взгляд, он смотрит «сычом» [Там же, с. 146] (здесь фразеологизм может быть понят у Крусанова буквально), брови у него шевелились, «словно волосатые гусеницы» [Там же].

Звериное проявляется и в других персонажах, по незнанию потворствующих маньяку. У профессора Цукатова нематоды «свили гнёзда в <...> мыслях», и «сами мысли казались ему червями, паразитирующими в человеке» [Там же, с. 136]. Профессор Челноков издавна был прозван студентами «Главптица» за страсть к орнитологии. Это прозвище, кстати, может не только фиксировать научный интерес профессора и его статус, не только вызывать ироническую ассоциацию с советским сложносокращённым названием какого-нибудь заготовительного или продуктового ведомства, но и отсылать к мифологии, например, напоминая о птицеглавах Древнего Египта или Индии. Как и в связи с Демьяном Ильичом, Крусанов, создавая образ профессора Челнокова, использует приём буквализации фразеологизма: по словам Леры, он робел перед хранителем и «поджимал хвост» [Там же, с. 153].

Бестиарность обнаруживается в рассказе и в пейзаже: «Чёрная вода Мойки по-прежнему не давалась зиме в ледяные лапы» [Там же, с. 159]. Зима здесь олицетворяется и приобретает зооморфные черты.

Демьян Ильич, как и Сара Ха из рассказа «По телам», мыслит о духовном характере телесных трансформаций. Однако его адресат — не другой человек, которого он мог бы обманывать, а он сам, поэтому перед собой он честен, говоря, что «Из ангела родится змей, а не обратно» [Там же, с. 144]. Его путь — путь активной инволюции и демонизации: «Чёрные лимурий-

ские глаза» шимпанзе, бывшего студента, «смотрели настороженно и зло» [Там же, с. 162], выдавая присутствие злого духа внутри чучела.

В рассказе «Как исчезают люди» в образе Рухлядьева, вахтёра, который сторожит нелегальное производство азиатских грибов, присутствуют змеиные черты. В кроссворде, который он решает, он отгадывает слово *василиск*; мальчики прозвали его Горынычем; застигнутый им мальчик обмирает перед ним, «как лягушка перед ужом» [Там же, с. 191]; водитель называет его в сердцах «аспидом» [Там же, с. 182]. Рухлядьев преследует все живые существа, что оказываются на подведомственной ему территории. Он устанавливает контакт через глаза, пугает и обездвиживает. Кошка округляет глаза от ужаса, когда он идёт на неё; женщина, что пришла жаловаться, напугавшись, «озябла»; Вова с ужасом глядит на приближающегося вахтёра. Рухлядьев, «глядя на живых, был полностью уверен, что имеет дело с неутомонной формой смерти» [Там же, с. 180]. Именно этот взгляд «василиска» и поражает людей и животных. Вахтёр произносит «ядовитые слова» [Там же, с. 182], ненависть жжёт его огнём, и он «пыхает» «зловредными миазмами» [Там же, с. 174]; он охотится на мышей и крыс; на мальчика с «цыплячьей шеей» [Там же, с. 191] и на другого, что убегает от него «мышкой» [Там же, с. 193].

Рассказ «Как исчезают люди» — сказка, в которой обыденность мерцает фантастикой: подпольный грибной цех оборачивается грибным царством, азиатские гастарбайтеры — мифологическими «карлышами», вахтёр — Змеем Горынычем, драконом-василиском, за которым, в свою очередь, приходит «лютый зверь» [Там же, с. 197] из заклинания, переданного Гере бабкой Кудыкиной. Люди и звери в рассказе соединяют энергии своего неприятия Рухлядьева и уничтожают его.

3.2. «Узорник»: калейдоскоп визионерских освобождений

Рассказ «Царь головы», давший название всему циклу, переиначивает и буквализирует известный фразеологизм «Без царя в голове». «Наладчик» сознания-души Георгий дарует главному герою понимание того, как устроена реальность, возможность видеть «потусторонние объекты» [Крусанов, 2014, с. 214].

В этом рассказе в положительном ключе решаются проблемы, поставленные в предыдущих произведениях цикла. Главный герой видит не ужас и ад, но рай, в который отправляется его убитый кот Аякс. Этот рай «во вкусе» героя, потому что там его ждёт «услужливый хозяин, хлопочущий о блюде с молоком» [Там же, с. 225]. И, возможно, потому что его питомец — его альтер эго: он сам как бы обрёл такого хозяина в своей голове. Герой, которого «налаживают», задаётся ироническим вопросом о пирожках (думая, что Георгий отравил его): «Каких котят туда крошили кухонные ведьмы?!» [Там же, с. 222]. Он словно причащается кошачьей

природе. С Аяксом схож и «наладчик» Георгий, который, подобно этому коту, мог «погружаться в безмятежность» [Там же, с. 208].

В отличие, например, от Полуживца или жертв Демьяна Ильича, которые входят в животных и приобретают их черты, герой «Царя головы», пройдя через огромную физическую боль «наладки», через «звериное состояние» [Там же, с. 209], став на время «скотом», выходит по-настоящему преображённым. Он подчиняет себе страхи и страсти, уменьшает своё неведение. Кошки видят «гостей из иного мира» [Там же, с. 214], и герой рассказа научается видеть мёртвых, которые «рвут в клочки мир живых» [Там же, с. 223].

Кот Аякс изначально ощущается в рассказе тем, кто больше, чем просто кот. Он — особый зверь. Неслучаен и вопрос рассказчика: «Да и кошки ли они? — кто знает, как их звать на самом деле» [Там же, с. 203]. И напротив, бомжи, что убили Аякса, выглядят как животные. Рассказчик характеризует их как «существ» и замечает, что по ночам они «выли, словно изнывающие от тоски больные звери» [Там же, с. 224].

В рассказе «Это не сыр» полуангелическая для главного героя его подруга и бывшая возлюбленная Варя оказывается связана с образами мыши и птицы. Предполагая, что мужчина, который её очаровал, думает о ней как о сыре в мышеловке, она в разговоре с другом это отрицает («Варя — это не сыр» [Там же, с. 246]), хотя затем и признаёт, что всё в жизни, включая любовь, есть мышеловка. О прыжке с парашютом она говорит, что при физическом восторге её душа «затаилась, как мышь под веником» [Там же, с. 249]. Рассуждая о сохранении русской национальной культуры, она вспоминает образы-символы атакующей западной культуры: гаммельнского («гамбургского») крысолова и Микки Мауса. Образ мыши — это образ земного, приземлённого в восприятии реальности. Но подлинная Варя исполняет — «в ином теле и иными средствами — воздушный танец золотисто-голубой шурки» [Там же, с. 231]. Душа Вари — «прозрачный летун»; она, «щебеча, отправлялась в счастливое путешествие» [Там же, с. 266]. Дух Вари, по ощущению Клима, «жаворонком воспарил в полуденные небеса» [Там же, с. 267].

Последний рассказ в сборнике — «Глина» — снова об одержании. В главного героя вселяется «дух чёрного сикырши» [Там же, с. 312] — умершего много сотен лет назад колдуна, с которым он столкнулся во время экспедиции в Казахстан. Этот дух — образ ещё одной паразитической сущности цикла, что подселается к сознанию человека: её вредоносную природу передаёт аллитерированная фраза «зараза грызёт мой разум» [Там же, с. 269]. Герой также приводит сравнение с мухой-паразитом, что осуществила самозахват его тела: «личинка, вышедшая из яйца, росла в моей голове и пожирала рассудок» [Там же, с. 312]. Здесь обратная переключка с рассказом «По телам»: там человек был «наездником», здесь будто бы

муха становится «опытным погонщиком ездовым скотом» [Там же, с. 270]. Паразит, дух сикырши, заставляет героя видеть мёртвых и воплощать их образы в глине, даёт силы глине «одухотвориться» [Там же, с. 291], опираясь на воспоминания героя. Рассказчик использует для этого тандема сравнение с «машиной по производству големов» [Там же].

В реальности, которая открывается главному герою, параллельные миры перестают быть таковыми. Пересекается живое и мёртвое. Мёртвые разгуливают по городу: загробный холод от Маши-Каши пронзает героя «как мотылька булавкой» [Крусанов, 2014, с. 281]; «мёртвый Миша Кашнецов смотрит на мёртвую рыбу. Мёртвыми глазами — в мёртвые глаза» [Там же, с. 283].

В смещении пребывает и природный мир, образ которого создаётся в рассказе олицетворяющими, двойными зооморфными, техническими сравнениями. Капли дождя «срываются вниз змеящимися дорожками» [Там же, с. 291]. Пастбищные клещи — голодные, «точно молодые волки» [Там же, с. 286]. «Ящерицы-круглоголовки срывались с места, оставляя за собой след, точно колёсико с протектором» [Там же, с. 299].

В конце рассказа герой как будто бы освобождается от наваждения-проклятия-кошмара, «переварив» своего «паразита». Мир героя приходит в порядок, он тоже становится «царём своей головы» и по своему желанию, из любви, начинает-продолжает лепить людей. Однако последние страницы книги переворачивают сюжет этого рассказа и всего сборника в целом. Герой повествования оказывается сумасшедшим, получившим травму во время аварии. И выясняется, что все персонажи рассказов сборника — это его субличности (по мнению врача; но, вероятно, здесь возможны и иные интерпретации). Пациент без царя в голове всё это время «призывает в голову царя» [Там же, с. 213]. А в окно его палаты смотрит луна, «словно глаз. Глаз зверя, который сильнее» [Там же, с. 315].

4. Заключение = Conclusions

Сборник рассказов Павла Крусанова «Царь головы» представляет собой цикл, объединивший произведения с различными внутренними связями. Все рассказы повествуют о пересечениях привычного мира и иномирья — в его райском или адском облиии. Герои рассказов выходят за границы своего обыденного осознания, видя мёртвых, вселяясь в животных, впуская в себя разного рода духовных паразитов.

Первая часть цикла посвящена падениям, зооморфизации героев на пути к власти, вторая рассказывает о любви, которая сохраняется, несмотря на расставание героев с близкими. Персонажи претворяют свою животную натуру в тонкое духовное естество, переходят в пространство

гармонии. При этом финал сборника оставляет открытым вопрос о «нормальности» сознания героев (или одного героя) цикла.

Персонажи рассказов цикла «Царь головы» уподобляются животным в аллегорическом смысле, обнаруживают свою истинную, скрытую природу, выражающуюся в звериных, насекомых или птичьих чертах. Животные, напротив, могут вести себя подобно людям, борясь со злом, достигая состояния покоя. Животные в цикле, как правило, связаны с миром мёртвых.

Бестиарные мотивы пронизывают также поэтику цикла: писатель использует множество звериных образов, сравнений, метафор. С помощью этих тропов материальные предметы соотносятся с животными, птицами, насекомыми, и наоборот; животные сопоставляются друг с другом. Мир «Царя головы» пребывает в смещении, границы между уровнями сознания, сознанием и телом, живым и мёртвым в нём относительны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declare no conflicts of interests.
--	--

Источники

1. Галкина В. Диалог с «внутренним покойником» (о книге Павла Крусанова «Царь головы») [Электронный ресурс] / В. Галкина // Литературная газета. — 2016. — № 10—11. — Режим доступа : https://lgz.ru/article/-10-6545-17-03-2016/dialog-s-vnutrennim-rokoynikom/?phrase_id=455373 (дата обращения 16.03.2023).

2. Зарифуллин П. В. Скифское время Царей Головы. Рецензия на новую книгу Павла Крусанова. — 24 апреля 2014 года [Электронный ресурс] / П. В. Зарифуллин // Сайт «Центр Льва Гумилёва». — Режим доступа : <https://www.gumilev-center.ru/skifskoe-vremya-carejj-golovy-recenziya-na-povuyu-knigu-pavla-krusanova/> (дата обращения 16.03.2023).

3. Крусанов П. В. Царь головы : рассказы / П. В. Крусанов. — Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2014. — 314 с. — ISBN 978-5-17-083588-1.

4. Кузьменков А. Низвержение Оккама, или Полный улиям. Рецензия на книгу Павла Крусанова «Царь головы» [Электронный ресурс] / А. Кузьменков // Урал. — 2014. — № 9. — Режим доступа : <http://uraljournal.ru/work-2014-9-1239> (дата обращения 16.03.2023).

Литература

1. Афонина Е. Ю. Поэтика авторского прозаического цикла : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.08 / Е. Ю. Афонина. — Тверь, 2005. — 24 с.

2. Большев А. О. Постмодернистский империализм петербургских фундаменталистов (к вопросу о роли эклектики в современной русской культуре) / А. О. Большев // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2015. — № 2. — С. 47—56.

3. Борода Е. В. Петербургский фундаментализм. Павел Крусанов / Е. В. Борода // Вопросы литературы. — 2009. — № 4. — С. 50—61.

4. Волк Е. А. Неомифологическая эсхатология в романе «Укус ангела» П. Крусанова / Е. А. Волк // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. — 2020. — Т. 31. — С. 131—135.

5. Егорова О. Г. Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / О. Г. Егорова. — Волгоград, 2004. — 44 с.
6. Кадацкая Д. С. Термин «цикл» в отечественном литературоведении / Д. С. Кадацкая // Молодой учёный. — 2017. — № 22 (156). — С. 473—478.
7. Кротова Д. В. Принципы моделирования автобиографического мифа в творчестве П. Крусанова / Д. В. Кротова // Филология : научные исследования. — 2017. — № 3. — С. 18—26.
8. Лихина Н. Е. Бестиарный мотив в русской литературе / Н. Е. Лихина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. — 2011. — № 8. — С. 149—154.
9. Нестерова С. В. Циклическое текстопостроение в малой эпической прозе : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.08 / С. В. Нестерова. — Тверь, 2012. — 23 с.
10. Пахомова С. С. Проблема выбора, свободы и личной ответственности в романе П. Крусанова «Бом-бом» / С. С. Пахомова // Система ценностей современного общества. — 2011. — № 17—1. — С. 90—94.
11. Торосян А. С. Мифопоэтика Павла Крусанова (генезис и структура) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. С. Торосян. — Москва, 2016. — 22 с.
12. Торосян А. С. Языковая картина мира Павла Крусанова / А. С. Торосян // Россия в мире : проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере : материалы II Международной научно-практической конференции, Пенза, 27—28 марта 2017 года. — Пенза : Пензенский государственный технологический университет, 2017. — С. 414—424.
13. Фоменко И. В. Поэтика лирического цикла : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.08 / И. В. Фоменко. — Москва, 1990. — 32 с.
14. Фролова Т. Г. Понятие метафорического стиля в современной прозе / Т. Г. Фролова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2011. — № 2. — С. 69—78.
15. Шейко Е. В. Категория времени и способы ее выражения в романе П. Крусанова «Укус ангела» / Е. В. Шейко, В. В. Ломшакова // Гуманитарные и социальные науки. — 2019. — № 2. — С. 240—249. — DOI: 10.23683/2070-1403-2019-73-2-240-249.

Статья поступила в редакцию 17.03.2023,
одобрена после рецензирования 18.04.2023,
подготовлена к публикации 24.04.2023.

Material resources

- Galkina, V. (2016). Dialogue with the “inner dead man” (about Pavel Krusanov’s book “The King of the Head”). *Literaturnaya gazeta*, 10—11. Available at: https://lgz.ru/article/-10-6545-17-03-2016/dialog-s-vnutrennim-pokoynikom/?sphrase_id=455373 (accessed 16.03.2023). (In Russ.).
- Krusanov, P. V. (2014). *Tsar of the head: stories*. Moscow: AST: Editorial Office of Elena Shubina. 314 p. ISBN 978-5-17-083588-1. (In Russ.).
- Kuzmenkov, A. (2014). The Overthrow of Occam, or Complete ulyam. Review of Pavel Krusanov’s book “The King of the Head”. *Ural*, 9. Available at: <http://uraljournal.ru/work-2014-9-1239> (accessed 16.03.2023). (In Russ.).

Zarifullin, P. V. The Scythian time of the Kings of the Head. Review of a new book by Pavel Krusanov. April 24, 2014. *Website of the Lev Gumilev Center*. Available at: <https://www.gumilev-center.ru/skifskoe-vremya-carejj-golovy-recenziya-na-novuyu-knigu-pavla-krusanova/> (accessed 16.03.2023). (In Russ.).

References

- Afonina, E. Yu. (2005). *Poetics of the author's prose cycle*. Author's abstract of PhD Diss. Tver. 24 p. (In Russ.).
- Beard, E. V. (2009). Petersburg fundamentalism. Pavel Krusanov. *Questions of literature*, 4: 50—61. (In Russ.).
- Bolshevik, A. O. (2015). Postmodern imperialism of the St. Petersburg fundamentalists (on the role of eclecticism in modern Russian culture). *Bulletin of the Pushkin State University*, 2: 47—56. (In Russ.).
- Egorova, O. G. (2004). *The problem of cyclization in Russian prose of the first half of the XX century*. Author's abstract of Doct. Diss. Volgograd. 44 p. (In Russ.).
- Fomenko, I. V. (1990). *Poetics of the lyric cycle*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 32 p. (In Russ.).
- Frolova, T. G. (2011). The concept of metaphorical style in modern prose. *Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature*, 2: 69—78. (In Russ.).
- Kadatskaya, D. S. (2017). The term “cycle” in Russian literary studies. *Young scientist*, 22 (156): 473—478. (In Russ.).
- Krotova, D. V. (2017). Principles of modeling the autobiographical myth in the works of P. Krusanov. *Philology: scientific research*, 3: 18—26. (In Russ.).
- Likhina, N. E. (2011). Bestial motif in Russian literature. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology*, 8: 149—154. (In Russ.).
- Nesterova, S. V. (2012). *Cyclic text-building in small epic prose*. Author's abstract of PhD Diss. Tver. 23 p. (In Russ.).
- Pakhomova, S. S. The problem of choice, freedom and personal responsibility in P. Krusanov's novel “Bom-bom”. *The value system of modern society*, 17—1: 90—94. (In Russ.).
- Sheiko, E. V., Lomshakova, V. V. (2019). The category of time and ways of its expression in P. Krusanov's novel “Angel Bite”. *Humanities and Social Sciences*, 2: 240—249. DOI: 10.23683/2070-1403-2019-73-2-240-249. (In Russ.).
- Torosyan, A. S. (2017). Pavel Krusanov's linguistic picture of the world. In: *Russia in the world: problems and prospects for the development of international cooperation in the humanitarian and social sphere: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Penza, March 27—28, 2017*. Penza: Penza State Technological University. 414—424. (In Russ.).
- Torosyan, A. S. (2016). *Pavel Krusanov's Mythopoetics (genesis and structure)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Volk, E. A. (2020). Neomythological eschatology in the novel “Angel Bite” by P. Krusanov. *Scientific notes of the P. M. Masherov*, 31: 131—135. (In Russ.).

*The article was submitted 17.03.2023;
approved after reviewing 18.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.*